

Инфантьев Порфирий Павлович

**Этнографические рассказы. Из
жизни татар, киргизов,
калмыков, башкир, вогулов и
самоедов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П60

П60 **Порфирий Павлович И.**
Этнографические рассказы. Из жизни татар, киргизов, калмыков, башкир, вогулов и само-
едов / Инфантьев Порфирий Павлович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 270 с.

ISBN 978-5-519-87122-8

ISBN 978-5-519-87122-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Въ Россіи насчитываютъ болѣе 100 различныхъ племенъ и народностей. Однако, кромѣ коренныхъ славянскихъ племенъ, мы очень мало что знаемъ о другихъ племенахъ; о жизни же, бытѣ, нравахъ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ большинства мелкихъ, малокультурныхъ и некультурныхъ народностей, обитающихъ въ предѣлахъ нашей родины, мы часто даже и совсѣмъ ничего не слыхивали, кромѣ развѣ кое какихъ легкомысленныхъ анекдотовъ. А между тѣмъ и эти народности, эти наши меньшіе братья, требуютъ къ себѣ и къ своимъ нуждамъ точно такого же внимательнаго отношенія, и даже пожалуй большаго, чѣмъ ихъ старшіе братья.

Всякій мыслящій гражданинъ, желающій знать и понимать истинныя нужды и потребности своей родины, долженъ прежде всего хорошо ознакомиться съ тѣми народностями, которыя входятъ въ составъ ея населенія. Это ознакомленіе вмѣстѣ съ изученіемъ основныхъ законовъ своей собственной страны должно быть поставлено во главу угла, на самомъ первомъ планѣ, во всякой школѣ. Безъ этого знанія нѣтъ гражданина, а лишь одинъ безправный обыватель. И только оно, это знаніе, можетъ передѣлать этого обывателя въ сознательнаго гражданина и избавить его отъ заблужденій и предразсудковъ, оставшихся со временъ дикаго варварства, относительно чужихъ племенъ и народовъ, относительно тѣхъ, кто „не нашъ“, и заставить его тверже понять и глубже уяснить себѣ ту великую евангельскую истину, что всѣ люди братья, и что въ великой семьѣ народовъ одни племена разнятся отъ другихъ не болѣе, чѣмъ разнятся братья отъ одной и той же матери, жившіе долгое время раздѣльно другъ отъ

друга въ совершенно различныхъ условіяхъ для своего существованія.

Къ сожалѣнію, мы, русскіе, до самаго недавняго времени были лишь обывателями, а не гражданами, и потому не можемъ похвастаться знаніемъ своей родины. Въ нашемъ обширномъ отечествѣ до сихъ поръ есть еще огромнѣйшія территоріи, никѣмъ не изученныя и даже не изслѣдованныя, — гдѣ же намъ было знакомиться съ бытомъ и нравами какихъ-то мелкихъ народностей, часто обитающихъ въ предѣлахъ такихъ малоизвѣстныхъ мѣстностей?!

Въ нашихъ школахъ нѣтъ преподаванія этнографіи, и только въ самое послѣднее время на этотъ пробѣлъ стали обращать нѣкоторое вниманіе, знакомя школьниковъ, при прохожденіи курса географіи, съ главнѣйшими народностями, входящими въ составъ Россійской Имперіи. Но эти свѣдѣнія имѣютъ случайный, отрывочный и безсистемный характеръ.

У насъ нѣтъ даже сноснаго учебника по этнографіи Россіи, и всякому, кто захотѣлъ бы основательно ознакомиться съ бытомъ, нравами, обычаями и вѣрованіями всѣхъ, обитающихъ въ Россіи народностей, пришлось бы рыться въ изданіяхъ специальныхъ трудовъ разныхъ ученыхъ обществъ или отыскивать нужныя свѣдѣнія о большинствѣ мелкихъ народностей въ разныхъ альманахахъ, губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ и разныхъ другихъ провинціальныхъ изданіяхъ.

Чтобы сколько нибудь пополнить этотъ пробѣлъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи малоизвѣстныхъ некультурныхъ народностей, обитающихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи, я задался цѣлью дать хотя бы по одному разсказу изъ жизни каждой такой народности, снабдивъ предварительно этотъ разсказъ краткимъ очеркомъ быта и нравовъ этой народности. Мнѣ думается, что составленные такимъ образомъ сборники этнографическихъ разсказовъ могутъ замѣнить до нѣкоторой степени и руководства къ изученію народностей Россіи и пособія къ нимъ.

Авторъ.

Киргизы.

Всѣхъ киргизовъ въ настоящее время насчитываютъ до 5.000,000, и они дѣлятся на два главныхъ отдѣла; въ низменныхъ равнинахъ, прилегающихъ къ Каспійскому и Аральскому морямъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, орошаемыхъ р. Обью и притоками ея, живетъ самый многочисленный отдѣлъ, „киргизъ-кайсаки“, или, какъ они сами себя называютъ, „казаки“ („казакъ“ по-тюрски значитъ „бездомный бродяга“); въ долинахъ же Средне-Азіатскихъ горъ Тянь-Шаня, Алая и Памира бродятъ „буруты“ или „кара-киргизы“ (черные киргизы), иначе называемые дикокаменными киргизами; послѣднее названіе произошло отъ того, что они кочуютъ среди дикихъ гранитныхъ горъ.

Область, въ которой этотъ народъ передвигается въ теченіе года съ одного мѣста на другое, столь же обширна, какъ вся Европейская Россія; она простирается отъ береговъ Волги до предѣловъ Китайской имперіи и отъ низовьевъ Аму-Дары до р. Иртыша. Но точныя границы кочевковъ киргизовъ опредѣлить довольно трудно.

Русское подданство киргизы приняли еще въ 1734 году, но до 1870 года они только считались въ этомъ подданствѣ

и въ продолженіе многихъ, многихъ лѣтъ это были самые неспокойные и ненадежные подданные въ Русской державѣ. Они совсѣмъ не боялись русской власти и, хотя сами по себѣ народъ очень миролюбивый, но подстрекаемые своими воинственными сосѣдями, туркменами и хивинцами, постоянно возмущались, нападали на наши окраины, грабили русскихъ купцовъ и уводили въ плѣнъ и продавали въ рабство русскихъ людей хивинцамъ.

Киргизы исповѣдуютъ магометанскую религію, но они далеко не такъ ревностны въ дѣлахъ вѣры, какъ другіе магометане, а простой народъ почти весь и до сихъ поръ совершенно равнодушенъ къ ученію Магомета, и религіозные обряды и обычаи этого народа не имѣютъ никакой связи съ предписаніями Корана, вѣроучительной, священной книги магометанъ. По большей части всѣ ихъ вѣрованія заключаются въ грубыхъ суевѣріяхъ и разнообразныхъ примѣтахъ.

По своимъ духовнымъ способностямъ киргизы принадлежатъ къ числу богато одаренныхъ народовъ. Киргизъ гордъ, остроуменъ, насмѣшливъ, энергиченъ; рѣчь его складна и образна; онъ веселъ, любитъ общество и бесѣду.

Одежда киргизовъ по большей части состоитъ изъ широкаго халата, подъ которымъ иногда носится рубаха съ отложнымъ на выпускъ воротникомъ, широчайшихъ шароваръ и сапоговъ со скошенными каблуками; на головѣ они носятъ высокую съ наушниками шапку. Одежда женщинъ состоитъ изъ широкой рубахи, поверхъ которой надѣвается халатъ. Лѣтомъ женщины на головѣ носятъ полотняный башлыкъ, вышитый по краямъ узорами, зимой, шапочку.

Обычную пищу киргизовъ составляетъ сушеное или вареное въ лошадиномъ молокѣ просо, куртъ (овечій сыръ), мясо и кумысъ, т. е. особеннымъ образомъ приготовленное перебродившее лошадиное молоко.

Въ своей домашней жизни киргизы народъ очень добродушный и гостепріимный. Отказать путнику въ пріютѣ и ночлегѣ, по ихъ понятіямъ, значитъ совершить преступленіе, которое у нихъ карается даже штрафомъ. Для пріѣзжаго гостя они всегда рѣжутъ барана и приглашаютъ сосѣдей. Появленіе всякаго новаго человѣка составляетъ для киргизовъ какъ

будто праздникъ. Киргизы, народъ чрезвычайно любознательный и любятъ всякаго рода новости; поэтому всякій заѣзжій гость для нихъ является въ то же время и живой газетой, и чѣмъ больше онъ сообщаетъ новостей, тѣмъ болѣе онъ пріятенъ и желателенъ.

Киргизы болѣе, чѣмъ какой-либо другой пзъ кочевыхъ народовъ Россійской Имперіи, способны дѣлаться образованными, просвѣщенными людьми. Въ этомъ они далеко оставляютъ за собой даже осѣдлыхъ татаръ, и въ настоящее время въ киргизскихъ степяхъ нерѣдко можно встрѣтить киргизовъ не только со среднимъ, но и съ высшимъ образованіемъ. И стремленіе дать образованіе своимъ дѣтямъ у киргизовъ годъ отъ году все болѣе и болѣе усиливается.

Свирѣль маленькаго Кытлыбая.

(Изъ жизни одного киргизскаго мальчика).

Кытлыбаю было всего три года, когда померли его родители. Ребенка, сироту увела къ себѣ въ кибитку одна старая родственница. Однако, и у ней Кытлыбаю недолго привелось жить. Ему шелъ всего шестой годъ, какъ пріютившая его женщина тоже отправилась на тотъ свѣтъ. И сталъ съ тѣхъ поръ маленькій Кытлыбай скитаться изъ кибитки въ кибитку, переходя отъ одной семьи къ другой. Ему нигдѣ не отказывали ни въ пріютѣ, ни въ кускѣ хлѣба, но усыновить его никто не выражалъ желанія.

И вотъ оставшись безъ родительскаго призора, предоставленный самому себѣ, Кытлыбай сдѣлался бродячимъ мальчикомъ, питаясь, какъ птица небесная, тѣми крохами, какія перепали ему со стола чужихъ для него людей. Зимой его одежду составляли жалкіе лохмотья, уже бросаемыя за негодностью другими киргизскими дѣтьми, а лѣтомъ онъ обходился совсѣмъ безъ всякаго одѣянія, какъ, впрочемъ, и многіе киргизскіе ребяташки.

И, однако, несмотря на свою сиротскую долю, Кытлыбай былъ живой, простодушный и очень веселый мальчикъ. Онъ вѣчно распѣвалъ пѣсенки, которыя такъ любятъ вообще всѣ киргизы, но въ особенности онъ чувствовалъ какую-то страсть къ музыкѣ. Однажды Ибрагимъ, старый киргизъ-пастухъ, у котораго онъ былъ въ подпаскахъ, сдѣлалъ ему изъ тростника свирѣлку и научилъ его, какъ на ней играть. Съ тѣхъ поръ Кытлыбай не разставался со своимъ инструментомъ; онъ подбиралъ мотивы киргизскихъ пѣсенъ и искусно воспроизводилъ ихъ на свирѣли.

Неподалеку отъ аула, гдѣ жилъ Кытлыбай, поселились русскіе переселенцы, и общительный Кытлыбай, не зная еще ни слова по-русски, скоро свелъ знакомство съ крестьянскими ребятишками, чрезвычайно заинтересовавшимися его музыкальнымъ инструментомъ. Онъ охотно брался даже учить ихъ какъ устройству самой свирѣли, такъ и игрѣ на ней и, благодаря частымъ посѣщеніямъ русской деревни, скоро самъ научился болтать по-русски, хотя и ломанымъ языкомъ.

Но не одни мальчишки, и взрослые охотно слушали игру на свирѣли маленькаго Кытлыбая и любили его за его веселый и незлобивый нравъ. Для ребятишекъ же былъ настоящий праздникъ, когда Кытлыбай показывался на деревенской улицѣ.

— Кытлыбай идетъ! Кытлыбай! Онъ будетъ намъ играть на свирѣлкѣ! кричали они, торопясь сообщить своимъ матерямъ о появленіи въ ихъ деревнѣ киргизскаго мальчика.

Кытлыбая скоро обступали со всѣхъ сторонъ желавшіе слушать его музыку.

— А ну-ка, Кытлыбай, сыграй „Во саду ли, въ огородѣ Сашенька гуляла“; больно ужъ ты эту пѣсню

хорошо играешь, просилъ его кто-нибудь изъ мужиковъ.

И Кытлыбай не заставлялъ себя долго упрашивать. Онъ вынималъ изъ-за пазухи свою свирѣлку, подставлялъ ее къ губамъ и начиналъ выводить на ней мотивъ одной русской пѣсни, подслушанной имъ у какого-то проѣзжаго русскаго, торговца и передѣланной имъ на свой ладъ:

„Во саду ли, въ огородѣ, Чашенька гуляла,
„Дружка мила своя рука къ себѣ призывала“...
— И-ихъ!..

Пожилая киргизка.

взвизгивалъ онъ и пускался вплясъ, перемежая игру на свирѣли пѣніемъ и пляской.

Мужики и бабы смѣялись до слезъ надъ маленькимъ музыкантомъ, но всегда награждали его чѣмъ-либо съѣстнымъ, и, довольный своими похождениями, Кытлыбай возвращался обратно въ аулъ.

Однажды весной, когда Кытлыбаю было уже десять лѣтъ, Юсупъ, старшина аула, объявилъ, что пора собираться на лѣтнюю кочевку.

Каждое лѣто киргизы снимаются со своихъ зимнихъ, стоянокъ и кочуютъ со своими стадами въ степи, переходя съ мѣста на мѣсто.

И вотъ киргизки начали готовить разобранныя на зиму войлочные кибитки, лежавшія безъ употребленія, и навьючивать ихъ на верблюдовъ и лошадей, а киргизы отправились собирать свои табуны и стада, и вскорѣ весь аулъ выступилъ въ путь.

Кытлыбай, у котораго не было своего опредѣленнаго крова и который привыкъ считать своимъ домомъ всѣ кибитки точно такъ же, какъ самого его всѣ въ аулѣ считали общимъ достояніемъ, тоже вмѣстѣ съ другими отправился кочевать въ степь.

Во время перекочевокъ съ мѣста на мѣсто киргизы увидали однажды въ степи какое-то странное, никогда не виданное ими дотошъ явленіе! На горизонтѣ показалось небольшое облачко, быстро двигавшееся по землѣ по направленію къ нимъ.

— Смотрите, смотрите, что это такое? съ удивленіемъ закричали киргизки.

Но ихъ удивленіе перешло почти въ ужасъ, когда онѣ услышали, какъ изъ этого облачка раздался пронзительный свистокъ, и въ то же время всѣ увидали, что слѣдомъ за облачкомъ тянется по степи длинный черный хвостъ.

— Шайтанъ! Степной шайтанъ бѣжитъ. Онъ насъ всѣхъ пожретъ! завизжали бабы и ребятишки, и не на шутку струсили многіе даже изъ взрослыхъ киргизовъ, не имѣвшихъ до тѣхъ поръ никакого представленія о желѣзной дорогѣ, недавно проведенной по степи.

— Ну; какой тамъ шайтанъ! успокоительно сказалъ глава кочевки Юсупъ. Это не шайтанъ, это чугунокъ. Развѣ вы не слышали, что въ степи проводятъ чугунокъ? Вотъ это она и есть.

— А она не ѣсть людей? приступили къ нему киргизки.

— Да нѣтъ же, глупыя! На ней возятъ людей и всякую кладь. Это машина, которой управляютъ люди. Вотъ мы скоро подойдемъ къ самой дорогѣ, да тутъ гдѣ-нибудь и кочевку разобьемъ, и тогда вы всѣ увидите, что страшнаго ничего нѣтъ.

Поѣздъ, между тѣмъ, съ шумомъ и грохотомъ надвигался все ближе и ближе, и степняки въ первый разъ въ жизни увидали, какъ огромный чугунный конь, какъ они называли

Перекочка киргизовъ.

паровозъ. пыхтя и извергая облака дыму, тянулъ за собой дѣлные дома, наполненные людьми, выглядывающими изъ стеклянныхъ оконъ.

Лошади кочевниковъ, не привыкшія къ подобному явленію, тоже пришли въ безпокойство, и стоило не малаго труда, чтобы не дать имъ разбѣжаться по степи.

По проходѣ поѣзда караванъ приблизился къ полотну желѣзной дороги, скрытому до тѣхъ поръ высокой степной травой, и всѣ начали съ любопытствомъ разсматривать рельсы и шпалы, дѣлая свои замѣчанія и удивляясь искусству русскихъ, сумѣвшихъ провести такую необыкновенную дорогу.

Юсупъ рѣшилъ разбить кочевку неподалеку отъ одной степной желѣзнодорожной станціи. Здѣсь было хорошее паст-

бище для скота и водопой, а, кромѣ того, ему хотѣлось дать возможность своимъ одноаульцамъ поближе познакомиться съ желѣзной дорогой, по которой самъ онъ уже не одинъ разъ ѣзживалъ.

Когда было выбрано подходящее мѣсто, киргизки начали развьючивать верблюдовъ и лошадей, ставить рѣшетки для кибитокъ, обтягивать ихъ войлокомъ, и работа закипѣла. Къ вечеру уже все было готово; кибитки были разставлены, прибраны, и все разложено по своимъ мѣстамъ. За ужиномъ у всѣхъ только и было разговора, что о желѣзной дорогѣ. Старый Юсупъ, удовлетворяя общему любопытству, рассказывалъ о ней все, что самъ зналъ. Онъ говорилъ, что дорога эта ведетъ къ большимъ городамъ, въ которыхъ есть дома такой величины, что въ каждомъ изъ нихъ могутъ помѣститься жители цѣлаго аула, и много другихъ чудесъ поразсказалъ Юсупъ своимъ слушателямъ.

Но ни на кого желѣзная дорога не произвела столь сильнаго впечатлѣнія, какъ на маленькаго Кытлыбая. Передъ его глазами сразу открылся какой-то новый, совершенно до тѣхъ поръ имъ неподозрѣваемый міръ. Онъ съ жадностью вслушивался въ рассказы Юсупа, ловя каждое его слово о невѣдомыхъ ему городахъ и о людяхъ, сумѣвшихъ провести по степи эту удивительную желѣзную дорогу.

До сихъ поръ онъ зналъ одну только степь съ ея несложною, кочевой, киргизскою жизнью и думалъ, что и всюду такая же степь и такіе же киргизы, да развѣ кое-гдѣ русскіе крестьяне, и вдругъ оказалось, что на землѣ существуетъ и еще кое-что, кромѣ степи и киргизовъ. И ему страшно захотѣлось побывать въ тѣхъ городахъ, о которыхъ рассказывалъ Юсупъ и посмотреть, какъ тамъ живутъ незнакомые ему люди.

Почти всю ночь онъ прислушивался къ свисткамъ и грохоту проходившихъ неподалеку отъ ихъ кочевки поѣздовъ, уносившихъ въ невѣдомую даль ѣдущихъ въ нихъ людей, и самъ уносился въ своей фантазіи вмѣстѣ съ ними далеко за предѣлы степи, въ сказочныя, волшебныя страны.

Проснувшись поутру, онъ тотчасъ же отправился осматривать станцію, виднѣвшуюся вдали своими зелеными кры-